Вадим Вадимович Трухачёв –
историк, политолог, преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики РГГУ, журналист-международник

Глобальный подход и внимание к мелочам: **залог успеха России в мире**

В силу своего географического положения Россия просто обречена быть мировой державой. Однако нам не всегда хватает чуткости к каким-то деталям. При внимании к мелочам, к небольшим странам, к особенностям регионов и континентов наша внешняя политика только выиграет. Надо только более четко определить – кто мы и чего хотим.

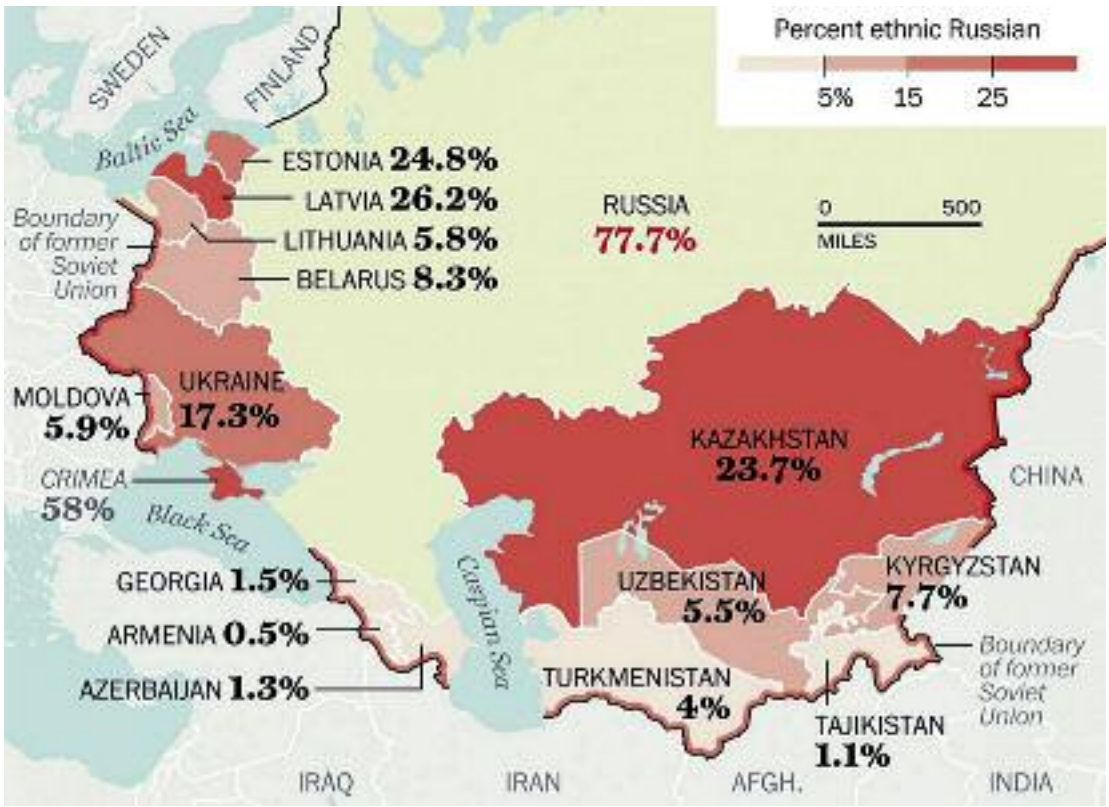
Примирить евразийство и западничество

Уже не одно столетие идут споры о том, чем является Россия – Европой, Евразией или же какой-то самостоятельной цивилизацией. Мы скифы и азиаты? Или же обычные европейцы? Разные мнения высказываются до сих пор. Надо признать: выработке ясной внешнеполитической линии разногласия по данному вопросу не способствуют. Потому порой возникает ощущение, что Россия мечется между другими центрами силы, и сама не может определиться, кто же она есть.

Между тем представляется, что разрешить это противоречие можно. Россия – глобальная держава, интересы которой распространяются и на Европу, и на Азию, и даже на далекую Антарктиду. Внутри нас имеются и кусочки самых разных азиатских миров, и часть настоящей Европы. Есть и то, что отличает нас и от европейцев, и от азиатов, делая собственно Россией. И все существующие на сей счет подходы совместить можно.

С одной стороны, Россия принадлежит Азии. На ее территории живут мусульманские народы Поволжья и Северного Кавказа, исповедующие буддизм тувинцы, буряты и калмыки. Едва ли они станут когда-либо считать себя европейцами. У нас есть выход к Тихому океану, позволяющий России участвовать в делах самого быстро развивающегося региона мира – Азиатско-Тихоокеанского. Трудно ведь назвать Европой тот же Сахалин.

С другой стороны, Калининградская область – это самая настоящая Европа. Живущие на нашей территории карелы – народ, говорящий практически на одном языке с финнами. Есть у нас и немцы, и греки, и представители некоторых других народов, чьи национальные государства сегодня входят в Евросоюз. У нас есть выход к Баренцеву, Бал-



Этнические русские в бывших советских республиках

тийскому, Черному морям. Большинство наших соседей на этих направлениях – государства ЕС.

Да и русский народ все-таки ближе к Европе, чем к Азии. Поставь рядом десять русских и десять немцев, а также десять русских и десять индийцев. С кем больше сходство? Наши родственники по языку проживают в Европе, а не в Азии. Тем же чехам или словенцам никогда не объяснить, что они – не европейцы. Кроме того, в Евросоюз входят сразу четыре православные страны – Греция, Кипр, Болгария, Румыния. Да и Сербия с Черногорией – это Европа. Так что мы просто обречены иметь интересы в этой части света, отгораживаться от Европы нельзя.

И в то же время существуют особенности, которые отличают русских от западноевропейцев. Христианство у нас другое, политические традиции отличаются. Впрочем, отличаются они и от мусульманского Востока, и от Индии, и от Китая. Так что Россия – вполне самодостаточное государство, где на протяжении многих столетий живут и народы азиатские, и народы европейские, и народы, так сказать, смешанные. По географии мы больше Азия, по истории и ментальности – ближе к Европе, но не совсем Европа. У нас есть связи на всех направлениях, это наше преимущество, и его надо использовать.

Определиться с понятием «соотечественник»

Защита соотечественников за рубежом – основа основ политики любого государства, и Россия здесь не исключение. Однако кого считать соотечественником? Для Китая соотечественники – этнические китайцы, для Финляндии – финны и отчасти финно-угорские народы, для Италии – итальянцы и люди итальянского происхождения. Для Израиля – евреи. Всюду господствует принцип крови. Если ты кровнородственно связан с какой-то страной, то ты – соотечественник.

У нас же данный критерий размыт. Опасаясь кого-либо обидеть, в России чаще говорят просто – «соотечественник» или «русскоязычное население». Представляется, что это не совсем верно. Лезгины в Азербайджане или оставшиеся в Грузии осетины – это не русскоязычное население. Тем не менее их национальная государственность располагается на территории РФ – в соответствующих национальных республиках. И Россия обязана их защищать, поскольку Дагестан и Северная Осетия – ее субъекты.

Есть большая проблема и с защитой русских на пространстве от Таджикистана до Эстонии. Не желая обижать другие народы, у нас само слово «русские» отсутствует и в конституции, и в других законах. Но тогда возникает вопрос: а на каком основании Россия печется о судьбе русских в Прибалтике, если русские не являются в ней юридически государствообразующим народом? Россия – не русское государство, а значит, судьба русских ее может заботить ровно в той же мере, что и судьба тутси в Руанде и Бурунди.

Думается, что вопрос решить можно – и русских прописать, и другие народы не обидеть. В конце концов, нужен специальный закон, обязы-

Купола церкви Марии Магдалины в Иерусалиме

А как быть с православными на Ближнем Востоке, которых откровенно убивают? Кто за них заступится, если не Россия?

вающий Россию защищать проживающих за рубежом русских, а также представителей других коренных народов РФ. Не будет ничего страшного, если некоторые народы будут прописаны специально. В данном случае и русские, и осетины, и лезгины с аварцами нуждаются в защите Российского государства. И без упоминания национальности при определении понятия «соотечественник» обойтись нельзя. Есть и особые случаи – Белоруссия и Украина. Грань между русскими и украинцами, русскими и белорусами весьма размыта. То, что это самые близкие нам государства, понятно, кажется, даже детям. Но вот в Концепции внешней политики они никак не выделены. Так на каком же основании мы должны принимать особое участие в судьбе той же Украины? Вот где пригодилось бы официальное упоминание русских. Невозможно обойтись без упоминания этнического родства на белорусском и украинском направлениях. Иначе наша политика окажется неполноценной, а местами ущербной.

Во времена царской России наша страна считала себя покровительницей и заступницей всех православных. И сегодня мы пытаемся защищать Сербию, но есть ли у нас на то основания? Религия ведь отделена от государства. А как быть с православными на Ближнем Востоке, которых откровенно убивают? Кто за них заступится, если не Россия? Есть, конечно, вопрос о том, как к этому отнесутся представители других конфессий. Но лезгины – мусульмане, а их Россия тоже обязана защищать. Да и за курдов с алавитами вступимся, когда потребуют обстоятельства. Так что с этим всё в порядке.

Украинский урок

То, что произошло на Украине, отчасти стало следствием бездействия России. Какое будущее она видела для братской страны? Как она работала с душами украинцев? Выясняется, что очень слабо. Наши некоммерческие организации, работавшие на Украине, можно было перечислить по пальцам. Западных же там имелось несколько сотен. Представители стран Европы и Северной Америки (послы, да и не только) постоянно ходили на телевидение, в вузы, вели издательскую деятельность. А Россия что? А Россия полагалась только на газ и на семейную память. Как выяснилось, этого мало.

В той же Германии есть фонды, тесно связанные с политическими партиями. Фонд Аденауэра – с христианскими демократами, Фонд Эберта – с социал-демократами, Фонд Науманна – со свободными демократами. Все вместе они продвигают интересы Германии, делают ее друзьями людей самых разных взглядов. Присутствие перечисленных фондов заметно и в России, и на Украине. В результате немцы добиваются по линии гуманитарного сотрудничества гораздо большего, чем мы.

И у нас можно было бы усилить партии соответствующими структурами. Фонды при «Единой России», Компар-

тии, ЛДПР, «Справедливой России» могли бы сказать свое слово при работе с разными сегментами электората на Украине. Даже «Яблоко» пригодилось бы – ведь идеология киевской интеллигенции была так созвучна ориентирам этой нашей партии. Россия могла бы сказать украинцам: «У нас есть точно такие же политические направления, как и у вас». Разве что украинские националисты остались бы за бортом, потому что русский и украинский национализмы останутся антагонистами. Но идейных бандеровцев даже сейчас на Украине меньшинство.

А сколько украинцев учится в наших вузах по специальным программам? Ответ – нисколько. Украина не подписала соответствующие документы СНГ по образованию, а значит специальный украинский набор провести нельзя. Но та же Польша ежегодно принимает несколько тысяч украинцев в свои вузы и платит им стипендии. И никакие учредительные документы ЕС не мешают ей так поступать. В итоге такие студенты становятся проводниками польского влияния. А мы проигрываем борьбу за души украинского молодого поколения. Да и сейчас ещё не всё потеряно. Нынешние технологии позволяют обходить запреты, введенные на Украине в отношении российских СМИ. Кто мешает России написать собственный учебник истории Украины и привлечь к работе над ним тех украинских ученых, которые еще не охвачены русофобским угаром? Такой учебник должен быть доступен в Интернете. Языкового барьера не существует – украинцы смогут его прочитать. Необандеровская мифология весьма уязвима, но борьба с ней требует системы и задействования самых разных инструментов.

Не потерять Белоруссию

Сегодня существует опасность, что вслед за Украиной у нас возникнут проблемы с Белоруссией. Не желая раздражать Александра Лукашенко, мы не открываем там филиалы наших общественных организаций. А тем временем на белорусской земле работают десятки организаций из Евросоюза, НАТО, США, Германии. И разумеется, активнее других ведет себя Польша. Как в случае с Украиной, она дает стипендии белорусским студентам. И многие из них возвращаются на родину убежденными противниками союза с Россией.

А между тем Белоруссия – страна, довольно сложно устроенная. И когда Лукашенко не полностью разделяет наше ви́дение творящегося на Украине, он исходит из белорусской действительности. А она такова. Значительная часть населения страны – католики, в Гродненской области они и вовсе составляют большинство. И нетрудно догадаться, что они считают главным союзником Польшу, а не Россию. И белорусскому «батьке» приходится учитывать настроения данной категории.

Но кроме Гродно, есть еще Могилевская область, восток Витебской и Гомельской областей. А они наоборот очень тесно связаны с Россией. У нас на Смоленщине в народной речи звучит та же трасянка, что и там. И в случае каких-либо потрясений в братской стране различия между Гродно и Могилевом непременно дадут о себе знать. Они не столь острые, как между Львовом и Донецком, но всё же они есть. И проводя свою политику на белорусском направлении, следует об этом помнить и всячески работать над предотвращением нежелательного для нас развития событий.

А как работать? По линии абстрактных «соотечественников» – не получится. Под понятие «русскоязычное население» подпадает и большинство этнических белорусов, которых (пока) никто не притесняет. Но они с современной Россией себя не отождествляют. Придется включать механизмы национального и религиозного родства, общности корней, истории, культуры. В конце концов, большинство населения Белоруссии – православные, и они на это откликнутся. Важно только о них не забывать. И их же следует задействовать при общении с жителями Украины.

Гастарбайтеры геополитике не помогают

Россия все последние годы прилагает усилия, чтобы ускорить интеграцию на постсоветском пространстве. Что-то получается, что-то – не очень. Объяснять, почему оно для нас представляет особую важность, излишне. Это наше непосредственное окружение, это территории, где до сих пор живут миллионы русскоговорящих людей. Однако на пути объединения их в Евразийский союз существуют вполне объективные препятствия, которые еще предстоит преодолеть.

Где учатся дети представителей элиты государств Средней Азии? Они в основном предпочитают Запад, Китай, Турцию. В результате, принимая миллионы гастарбайтеров, Россия одновременно лишается влияния в высших эшелонах власти. Работающие в странах СНГ филиалы отечественных вузов, безусловно, играют важную роль, но практика показывает, что этого явно недостаточно. Нужна системная работа с представителями политической элиты.

Да и не только элиты. Сегодня мы видим, что миллионы приезжих из бывших южных республик СССР, наводнивших Россию, не могут по-русски

Россия полагалась только на газ и на семейную память. Как выяснилось, этого мало.

двух слов связать. Это уже не те советские люди, к которым в Москве или Ленинграде привыкли в советское время. Среди них много приверженцев идей радикального исламизма, и в лучшем случае Россия для них – просто источник заработка. Никакой особой привязанности многие из них к ней не испытывают. Продвижение русского языка, работа с таким населением – необходимая часть нашей политики.

Сегодня всё громче звучат голоса выступающих за введение с этими странами визового режима. Противники же говорят, что такая мера отвернет жителей этих стран от нас. Но разве они, не говорящие по-русски, к нам сейчас привязаны? За время, прошедшее с момента распада СССР, они превратились в людей иной культуры. И чтобы повернуть их к нам, нужно время. Визы – это инструмент контроля за приезжими, и ничего лучшего человечество не изобрело. Но визы – это не запрет, это всего лишь фильтр. Подозрительных мигрантов удастся отсеять, прочие, действительно нужные нашей стране, – спокойно приедут.

Мировая практика показывает, что отмена виз или их сохранение не мешает продвижению национальных интересов. Разве США порвали отношения с Мексикой из-за наличия виз? Или отменили визовый режим с Грузией, Саудовской Аравией или Филиппинами? Не отменили, и все эти страны остаются союзниками американцев или же входят с ними в зону свободной торговли. Потому вопросы общественной безопасности и большой политики не всегда совпадают. И Китай не отменяет визы со своими партнерами, и ЕС. Так что прямой связи здесь нет.

Неоднородное постсоветское пространство

Азербайджан, Казахстан и страны Средней Азии (кроме Таджикистана) – страны в основном тюркские и мусульманские. Уже по одной этой причине они устанавливают особые отношения с Турцией (в первую очередь это касается Азербайджана). А тот же Казахстан граничит с Китаем, и казахи с уйгурами живут по обе стороны казахстанско-китайской границы. Может ли Россия стать для них единственным центром притяжения? Вряд ли. Нам постоянно придется доказывать собственную нужность.

Осло

А как объединить в одном образовании Азербайджан и Армению, помирить их? Или примирить Армению и Турцию? Да и в целом республики в бывшем СССР слишком разные. Шесть из них – в основном мусульманские, а Грузия, Армения и Молдавия – христианские. А та же Молдавия просто не может возвести стену по границе с Румынией. Как ни относись к этому, а язык у них практически один, да и религиозных преград не существует. У каждой из стран СНГ есть свои особенности, и их надо учитывать.

Да и с той же Белоруссией надо быть очень осторожными. Убедить белоруса в том, что киргизы ему ближе, чем поляки с литовцами, едва ли возможно. Нахождение в едином пространстве со странами Средней Азии не сможет стать для Белоруссии альтернативой отношениям с Евросоюзом. Даже в культурно-ментальном смысле. Об экономике говорить и подавно излишне – даже между не самой богатой по европейским меркам Литвой и Киргизией существует пропасть.

Не всякий европейский опыт нам полезен. Однако, например, в Скандинавии почти нет бедных, и у нее можно поучиться грамотному регулированию социальной политики.

Потому, кроме СНГ и Евразийского союза, лучше иметь своего рода страховочные варианты. И их можно объединить одним словосочетанием – «система союзов». С Белоруссией у нас Союзное государство, со странами Средней Азии и Казахстаном может существовать другое объединение, а с Молдавией – нечто третье. Такая пестрая картина позволит России на основе совершенно разных интересов притянуть к себе самые разные страны. Причем Узбекистан здесь останется Узбекистаном, а Молдавия – Молдавией.

Именно система союзов обеспечивает Соединенным Штатам ту роль, которую они играют в мире. Есть НАТО, но туда входят только европейские страны и Канада. Отдельные союзные отношения американцы строят с Японией и Южной Кореей, отдельные – с Австралией и Новой Зеландией. Союзниками США могут считаться и Израиль, и Саудовская Аравия, и Колумбия. Американцы не пытаются загнать всех в одну организацию, и в итоге им удается более или менее поддерживать связи во всех уголках планеты. Здесь у них есть чему поучиться.

Отличать Чехию от Польши

Нашим непосредственным соседом на Западе остается Евросоюз – преимущественно в лице бывших партнеров по социалистическому лагерю. О том, что наши отношения с

Сингапур

Южная Корея и Сингапур вполне способны стать для нас поставщиками высоких технологий. Раз отношения с Западом и той же Японией не складываются, надо смотреть на другие центры.

этими государствами складывались и складываются непросто, – говорить излишне. В начале 1990-х годов почти все они взяли курс на вхождение в ЕС и НАТО, а отношения с Россией воспринимали как пережиток прошлого, с которым надо поскорее развязаться. От нашей страны они предпочитали отгородиться всеми возможными барьерами.

Образом Центральной и Восточной Европы для нас стали ближайшие к нам государства региона – Польша, Литва, Латвия и Эстония. Поляки и прибалты всё постсоветское время делали и продолжают делать ставку на противостояние России, на переписывание истории, на зачеркивание всего, что с нами связано. Антироссийские, а то и грубо русофобские заявления доносятся оттуда буквально каждую неделю. Сегодня в связи с событиями на Украине наши отношения находятся почти в точке замерзания. Учитывая предыдущий период, удивляться этому не приходится.

Но сегодня уже стало очевидно, что Центральная и Юго-Восточная Европа не едина. Чехия, Венгрия и Словения повернулись к нам буквально сразу же после вхождения в ЕС и НАТО. Выяснилось, что их весьма интересует развитие экономических связей с нами, а экономика потихоньку влечет за собой и политику. Словакия же и вовсе в радикально антироссийских шагах никогда замечена не была – даже при власти прозападных правительств. И сегодня эти государства противятся санкциям в отношении РФ или, по меньшей мере, не входят в число их ярых сторонников. Румыния и Болгария – особый разговор. Это бедные государства, слишком зависимые от западных денег. К тому же румыны имеют к нам претензии относительно Молдавии, а болгары, похоже, пытаются всеми способами очиститься от старого: «Курица не птица...» Отношения с этими странами подвержены существенными колебаниям. Да и с Черногорией и Македонией они не идеальные. А Хорватия по многим вопросам примыкает к Польше. Только в Сербии силы, настроенные против нас, относительно слабы. Каждое из государств региона имеет свои особенности. У каждого из них – своя историческая память в отношении нас, своя экономическая ситуация, своя внешняя политика. Одни полностью следуют за США, другие (Чехия, Венгрия, Словакия, Словения) – придерживаются более

Алжир

взвешенного курса. Кроме того, внутри каждого из государств есть самые разные политические силы. К деталям и нюансам надо присматриваться, они всюду разные. Чехия – не Польша, разницу между ними нужно понимать. Тогда политика в соседнем для нас регионе окажется более внятной.

От стран меньше Италии зависит не так уж и мало

Если посмотреть Концепцию внешней политики России от 2013 года, то в европейском разделе отдельно упомянуты только четыре государства: Германия, Франция, Великобритания и Италия. Тому есть вполне логичное объяснение. Эти страны превосходят другие и по населения, и по развитию экономики. Их политический вес и на континентальной, и на мировой арене значительно выше, чем у других государств Европы. То, что эти государства ведут себя по-разному, известно прекрасно, и на это российская дипломатия традиционно и правильно делает ставку.

Арабский мир весьма неоднороден – есть Саудовская Аравия и Катар, отношения с которыми у нас не очень складываются. Но есть Египет и Алжир, с которыми у нас давние связи.

Но и от тех, кто поменьше, тоже кое-что зависит. Начнем с того, что в Евросоюзе каждые полгода меняется страна-председатель и каждый «новичок» предлагает собственную повестку дня. Для кого-то важнее Россия, для кого-то – Балканы, для кого-то – Ближний Восток и Африка, кому-то – Латинская Америка. Испания и Португалия от нас далеко, мы им изначально не так интересны, но они и исторически меньше с нами сталкивались. Значит, их легче убедить в своей правоте, с ними проще о чем-то договориться, чем, скажем, с поляками. А Греция и Кипр и вовсе почти никогда против нас не выступают.

Если посмотреть севернее, то и здесь не всё однозначно. Устойчиво проамериканской линии придерживаются разве что Нидерланды и Дания. В Финляндии, Швеции и Норвегии за последние 20 лет у власти побывали самые разные политики, и с некоторыми из них у нас складывались весьма неплохие отношения. Австрия, несмотря на непростую историю взаимоотношений с Россией, сегодня противится ужесточению санкций. Швейцария и Бельгия кажутся малозаметными, а зря. В них тоже много интересного происходит.

Очень важно, что все перечисленные государства – богатые и зажиточные. Многие из них пережили кризис даже

лучше Германии. Все они входят в число 30 крупнейших экономик мира, а многие – и в число 20. Разве Швеция, занимающая 7-е место в мире по экспорту вооружений, не достойна пристального внимания? А Голландия с ее образцовым сельским хозяйством на бывшем морском дне? А Австрия и Швейцария с их банками? А Норвегия с почти образцовым социальным государством?

При этом следует помнить, что не всякий европейский опыт нам полезен. Например, провал мультикультурализма признают даже в самой Европе. Выплата слишком больших пособий тоже оправдала себя не в полной мере. Сегодня на континенте существуют миллионы захребетников, ничего не делающих и живущих на шее у государства. Но в то же самое время, например, в Скандинавии почти нет бедных, и у нее можно поучиться грамотному регулированию социальной политики. Везде надо отделять зерна от плевел.

В эпицентре азиатских дел

Россия – страна не только европейская, но и азиатская. А потому всё то, что происходит на самом большом и самом пестром континенте, касается нас непосредственно. По морю мы граничим с Турцией и Ираном, а значит – с исламским миром и Большим Ближним Востоком. На востоке наши соседи – Китай, Корея и Япония. Да и Индия от нас не так уж далеко. К примеру, Таджикистан, где до сих пор стоят наши военные, отделяют от нее всего-то 40 километров. Да и вроде бы далекий Таиланд давно превратился во «всероссийскую здравницу».

На Дальнем Востоке завязался весьма интересный клубок. Япония откровенно наращивает свою военную мощь. Как нам к этому отнестись? Учитывая притязания японцев на Южные Курилы, это не может не тревожить. В то же время японская армия способна стать неким противовесом и Китаю, и США. Ведь обретя полноценную военную силу, Япония не будет уже столь зависима от американцев, у нее появятся собственные амбиции, и она сможет проводить независимую внешнюю политику.

Южная Корея и Сингапур вполне способны стать для нас поставщиками высоких технологий. Раз отношения с Западом и той же Японией не складываются, надо смотреть на другие центры. Монголия – наш сосед и кладезь полезных ископаемых. О Китае и говорить не приходится – он в последние годы превратился для нас в крупнейшего торгового партнера, а по многим вопросам – в основного союзника. Тем не менее наши интересы не всегда совпадают. Две большие державы, претендующие на многое, всегда имеют то, что выгодно только им.

Южная и Юго-Восточная Азия – весьма динамично развивающиеся регионы. Вьетнам идет китайским путем реформ – и достаточно успешно. Малайзия и Таиланд тоже уже заняли свое место под солнцем. 250-миллионная Индонезия и более чем 100-миллионные Филиппины несколько отстают в плане экономики, но потенциал у них огромен. Что уж говорить о миллиардной Индии – главном покупателе наших вооружений. Российско-индийское сотрудничество развивается, и его надо развивать дальше.

Весьма интересные государства есть и в исламском мире. Географическое положение Турции автоматически превращает ее в нашего партнера, но в то же время у нас есть расхождения по Сирии и по ряду других вопросов. Иран тоже ведет свою игру. Арабский мир весьма неоднороден – есть Саудовская Аравия и Катар, отношения с которыми у нас не очень складываются. Но есть Египет и Алжир, с которыми у нас давние связи. А на крайнем западе Магриба находится Марокко – страна немаленькая и исключительно выгодно расположенная.

У Россия в регионе есть неоспоримое преимущество перед другими. Она старается поддерживать отношения со всеми – и с Палестиной, и с Израилем, и с Турцией, и с курдами. Мы обладаем огромным потенциалом посредника, который пока в полной мере не используем. Не стоит также забывать о миллионах христиан, которым сегодня в связи с ростом могущества Исламского государства Ирака и Леванта приходится крайне тяжело. Это еще одно основание для того, чтобы присутствовать на Ближнем Востоке постоянно. В конце концов, он от нас не так далеко.

Далекие, но всё равно важные

Если страна располагается от нас далеко, из этого не следует, что она для нас неважна. Данный постулат Россия отлично усвоила и руководствуется им в Латинской Америке. Сегодня Куба, Венесуэла, Бразилия, Аргентина входят в число наших основных партнеров, да и с Мексикой у нас неплохие отношения. Мы во многом похожи с латиноамериканцами. И у нас, и у них часть основы – европейская, а часть – нет. К тому же многие в Латинской Америке уже устали от диктата США и видят в нас некую альтернативу им. Что ж, мы пытаемся это использовать – и правильно. Бразилия во многом напоминает нас. Огромная территория, леса, и еще больший контраст между богатством и бедностью. Маленькие Уруг-

Новая Зеландия

вай и Коста-Рика – образцы относительно благополучия, а куда более бедные Никарагуа, Боливия или Эквадор ищут в нас опору и для противостояния США, и для повышения уровня жизни. Аргентина и Чили – это выход в Антарктиду, богатства которой еще до конца не исследованы. По той же причине интересна нам и далекая Южная Африка. Хотя, конечно, в каждой стране есть еще много чего любопытного и полезного.

Черная Африка – настоящий кладезь полезных ископаемых. На огромном и самом бедном континенте продолжают активно работать Великобритания и Франция, его давно осваивают США, здесь стремится закрепиться Китай. Россия же пока уступает другим по части активности в Африке. А ведь у нас тут есть преимущество: мы никогда не колонизировали эту часть света. Наоборот – мы помогали африканцам. Бескорыстно помогать себе в ущерб, конечно, не надо, но напомнить о таком прошлом стоит.

Есть еще Канада, Австралия... Канада отнюдь не всегда следует в фарватере политики США, особенно при премьерах-франкоканадцах. В ней есть разные силы, и отнюдь не всем там нравится антироссийская линия премьера Стивена Харпера. Австралия – едва ли не самый верный союзник американцев, с ней у нас есть трудности. Страна богатая, недооценивать ее не стоит. В ее недрах есть почти вся таблица Менделеева, она является достаточно опасным нашим конкурентом. Но можно чему-то и у австралийцев поучиться.

В отличие от австралийцев, Новая Зеландия чаще позволяет себе несогласие с США. «Киви» зарекомендовали себя едва ли не как главные борцы за чистоту окружающей среды на планете.

В отличие от австралийцев, Новая Зеландия чаще позволяет себе несогласие с США. «Киви» зарекомендовали себя едва ли не как главные борцы за чистоту окружающей среды на планете. Возможно, у нас найдутся какие-то точки соприкосновения. Да и островные государства Тихого океана хотя и маленькие, но всё же имеют голос в ООН. К тому же их воды богаты рыбой, на них растут разного рода плоды. Сюда активно проникает Китай. А мы чем хуже?

Наши интересы есть везде

Уже своим географическим положением Россия обречена быть мировой державой. Но нам не всегда хватает чуткости к каким-то деталям, которые потом оборачиваются для нас неприятностями на международной арене. При внимании к мелочам, к небольшим странам, к особенностям континентов наша внешняя политика только выиграет. Даже найдя точки соприкосновения с 50 небольшими государствами, мы уже получим четверть партнеров в ООН. А ведь помимо них к нам и так тянутся некоторые крупные державы. И надо не проспать это – что к нам вообще кто-то тянется. А у России всегда найдется, что предложить миру. И Русскому миру в узком и широком смыслах, и азиатам, и европейцам, и латиноамериканцам, и жителям далекой Океании. Для очень многих мы в чем-то можем стать своими или, по крайней мере, близкими и понятными. Надо только более четко формулировать свои интересы и определять подходы к каждому региону и каждой стране в отдельности. А сил и умения у нас должно хватить.